

Эдгар Аллан По

Без дыхания

Часть сборника
Золотой жук (сборник)

Эдгар Аллан По

Без дыхания

«ЭКСМО»

1832

По Э.

Без дыхания / Э. По — «Эксмо», 1832

ISBN 978-5-699-52717-5

«— Ах ты гадина! ах ты ведьма! ах ты мегера, — сказал я жене наутро после свадьбы, — ах ты чертова кукла, ах ты подлая, гнусная тварь, красноречивее исчадие мерзости, ах ты, ах ты... — В тот самый миг, когда я встал на цыпочки, схватил жену за горло и, приблизив губы к ее уху, собрался было наградить ее каким-нибудь еще более оскорбительным эпитетом, который, будучи произнесен достаточно громко, должен был окончательно доказать ее полнейшее ничтожество, — в тот самый миг, к своему величайшему ужасу и изумлению, я вдруг обнаружил, что у меняхватило дух...»

ISBN 978-5-699-52717-5

© По Э., 1832

© Эксмо, 1832

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Эдгар Аллан По

Без дыхания (*Рассказ не для журнала «Блэквуд» и отнюдь не из него*)

О, не дыши...
Мур. «Мелодии»

Самая жестокая судьба рано или поздно должна отступить перед тою неодолимой бодростью духа, какую вселяет в нас философия, – подобно тому, как самая неприступная крепость сдается под упорным натиском неприятеля. Салманассар (судя по Священному Писанию) вынужден был три года осаждать Самарию, но все же она пала. Сарданапал (см. у Диодора) целых семь лет держался в Ниневии, но – увы – все было тщетно. Силы Трои истощились через десять лет, а город Азот – Аристей в этом ручается словом джентльмена – тоже в конце концов открыл Псамметиху свои ворота, которые держал на запоре в течение пятой части столетия.

– Ах ты гадина! ах ты ведьма! ах ты мегера, – сказал я жене наутро после свадьбы, – ах ты чертова кукла, ах ты подлая, гнусная тварь, красноречивее исчадие мерзости, ах ты, ах ты... – В тот самый миг, когда я встал на цыпочки, схватил жену за горло и, приблизив губы к ее уху, собрался было наградить ее каким-нибудь еще более оскорбительным эпитетом, который, будучи произнесен достаточно громко, должен был окончательно доказать ее полнейшее ничтожество, – в тот самый миг, к своему величайшему ужасу и изумлению, я вдруг обнаружил, что у меня захватило дух.

Выражения «захватило дух», «перехватило дыхание» и т. п. довольно часто употребляются в повседневном обиходе, но я, *bona fide*¹, никогда не думал, что ужасный случай, о котором я говорю, мог бы произойти в действительности. Вообразите – разумеется, если вы обладаете фантазией, – вообразите мое изумление, мой ужас, мое отчаяние!

Однако мой добрый гений еще ни разу не покидал меня окончательно. Даже в тех случаях, когда я от ярости едва в состоянии владеть собой, я все же сохраняю некоторое чувство собственного достоинства, *et le chemin des passions me conduit* (как лорда Эдуарда в «Новой Элоизе») *a la philosophie veritable*².

Хотя мне в первую минуту не удалось с точностью установить размеры постигшего меня несчастья, тем не менее я решил во что бы то ни стало скрыть все от жены, – по крайней мере, до тех пор, пока не получу возможность определить объем столь неслыханной катастрофы. Итак, мгновенно придав моей искаженной бешенством физиономии кокетливое выражение добродушного лукавства, я потрепал свою супругу по одной щечке, чмокнул в другую и, не произнеся ни звука (о фурии! ведь я не мог), оставил ее одну дивиться моему чудачеству, а сам легким па-де-зефир выпорхнул из комнаты.

И вот я, являющий собой ужасный пример того, к чему приводит человека раздражительность, благополучно укрылся в своем кабинете – живой, но со всеми свойствами мертвеца, мертвый, но со всеми наклонностями живых, – нечто противоестественное в мире людей, – очень спокойный, но лишенный дыхания.

Да, лишенный дыхания! Я совершенно серьезно утверждаю, что полностью утратил дыхание. Его не хватило бы и на то, чтобы сдуть пушинку или затуманить гладкую поверхность зеркала, – даже если бы от этого зависело спасение моей жизни. О, злая судьба! Однако даже в этом первом приступе всепоглощающего отчаяния я все же обрел некоторое утешение. Тщательная проверка убедила меня в том, что я не окончательно лишился дара речи, как мне пока-

¹ По чистой совести (*лат.*).

² И дорога страстей ведет меня к истинной философии (*фр.*).

залось вначале, когда я не смог продолжать свою интересную беседу с женой. Речь у меня была нарушена лишь частично, и я обнаружил, что, стоило мне в ту критическую минуту понизить голос и перейти на гортанные звуки, я мог бы и дальше изливать свои чувства. Ведь частота вибрации звука (в данном случае гортанного) зависит, как я сообразил, не от потока воздуха, а от определенных спазматических движений, производимых мышцами гортани.

Я упал в кресло и некоторое время предавался размышлениям. Думы мои были, разумеется, весьма малоутешительны. Сотни смутных, печальных фантазий теснились в моем мозгу, и на мгновение у меня даже мелькнула мысль, не покончить ли с собой; но такова уж извращенность человеческой природы – она предпочитает отдаленное и неясное близкому и определенному. Итак, я содрогнулся при мысли о самоубийстве как о самом гнусном злодеянии, одновременно прислушиваясь к тому, как полосатая кошка громко мурлычет на коврике у камина и даже сеттер старательно выводит носом рулады, растянувшись под столом. Оба словно нарочно похвалялись силою своих легких, насмехаясь над бессилием моих.

Терзаемый то страхом, то надеждой, я наконец услышал шаги жены, спускавшейся по лестнице. Когда я убедился, что она ушла, я с замиранием сердца вернулся на место катастрофы.

Тщательно заперев дверь изнутри, я предпринял энергичные поиски. Быть может, думал я, то, что я ищу, скрывается где-нибудь в темном углу, в чулане или притаилось на дне какого-нибудь ящика. Может быть, оно имеет газообразную или даже осязаемую форму. Большинство философов до сих пор придерживаются весьма нефилософских воззрений на многие вопросы философии. Однако Вильям Годвин в своем «Мандевиле» говорит, что «невидимое есть единственная реальность»; а всякий согласится, что именно об этом и идет речь в моем случае. Я бы хотел, чтобы здравомыслящий читатель хорошенько подумал, прежде чем называть подобные заявления пределом абсурда. Ведь Анаксагор, как известно, утверждал, что снег черный, и я не раз имел случай в этом убедиться.

Долго и сосредоточенно продолжал я свои поиски, но жалкой наградой за мои труды и упорство были всего лишь одна фальшивая челюсть, два турнюра, вставной глаз да несколько *billets-doux*³, адресованных моей жене мистером Вовесьдух. Кстати, надо сказать, что это доказательство благосклонности моей супруги к мистеру В. не причинило мне особого беспокойства. То, что миссис Духвон питает нежные чувства к существу, столь непохожему на меня, – вполне законное и неизбежное зло. Всем известно, что я отличаюсь крепким и плотным телосложением, хотя в то же время несколько приземист. Что же удивительного, если миссис Духвон предпочла моего тощего, как жердь, приятеля, непомерно высокий рост которого вошел в поговорку. Но вернемся к моему рассказу.

Как я уже заметил, мои усилия оказались напрасными. Шкаф за шкафом, ящик за ящиком, чулан за чуланом – все подверглось тщательному осмотру, но все втуне. Была, правда, минута, когда мне показалось, что труды мои увенчались успехом, – роясь в одном несессере, я нечаянно разбил флакон гранжановского «Елея архангелов» (беру на себя смелость рекомендовать его как весьма приятные духи).

С тяжелым сердцем воротился я в свой кабинет, чтобы измыслить какой-нибудь способ обмануть проницательность жены хотя бы на то время, пока я успею подготовить все необходимое для отъезда, где меня никто не знает, мне, быть может, удастся скрыть свою ужасную беду, способную даже в большей степени, чем нищета, отвратить симпатии толпы и навлечь на злосчастную жертву вполне заслуженное негодование людей добродетельных и благополучных. Я колебался недолго. Обладая от природы прекрасной памятью, я целиком выучил наизусть трагедию «Метамора». К счастью, я вспомнил, что при исполнении этой пьесы (или, во всяком случае, той ее части, которая составляет роль героя) нет никакой надобности в оттенках

³ Любовных записочек (фр.).

голоса, коих я был лишен, и что всю ее следует декламировать монотонно, причем должны преобладать низкие гортанные звуки.

Некоторое время я практиковался на краю одного болота, где было отнюдь не безлюдно, и поэтому мои упражнения не имели, по существу, ничего общего с аналогичными действиями Демосфена, а, напротив, основывались на моем собственном, специально разработанном методе. Чувствуя себя теперь во всеоружии, я решил внушить жене, будто мною внезапно овладела страсть к драматическому искусству. Это мне удалось как нельзя лучше, и в ответ на всякий вопрос или замечание я мог своим замогильным лягушачьим голосом с легкостью декламировать какой-нибудь отрывок из упомянутой трагедии, – любыми строчками из нее, как я вскоре с удовольствием убедился, можно было пользоваться при разговоре на любую тему. Не следует, однако, полагать, что, исполняя подобные отрывки, я обходился без косых взглядов, шарканья ногами, зубовного скрежета, дрожи в коленях или иных невыразимо изящных телодвижений, которые ныне по справедливости считаются непременным атрибутом заправского актера. Поговаривали даже о том, не надеть ли на меня смиренную рубашку, но – хвала господу! – никто не заподозрил, что я лишился дыхания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.